

Двойник: испорченный шут

Ясырев Никита

Никита Ясырев

Двойник: Испорченный Шут

<https://litres.ru/74146133>

SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого защитного механизма есть своя цена. Когда привычный мир семнадцатилетнего Никиты рушится из-за предательства, а внутри остаётся лишь выжженное поле, на руинах его личности рождается Шут. Циничный, ядовитый и абсолютно неуязвимый трикстер, способный превратить любую чужую драму в фарс, а собственную боль — в театральный оскал. Никита строит железобетонную броню, уверенный, что отныне он «бессмертен» для этой реальности и больше никто не сможет причинить ему вред.

Летняя ресторанный веранда, душные городские парки, ночные вписки под хрип инди-рока и домашняя лаборатория, где бергамот смешивается с пачули, создавая парфюмерные маски — таков антураж его личного триумфа. Шут полностью контролирует ситуацию. До тех пор, пока на его пути не возникает Катя.

Она — ходячий парадокс: царственная, ледяная блондинка снаружи и абсолютно «дурной», непредсказуемый ребёнок внутри. Катя ломает любые сценарии и упорно отказывается играть по правилам Шута, начиная опасный поединок.

Никита Ясырев

Двойник:

Испорченный Шут

Глава 1: Смех сквозь битое стекло

Весна в одиннадцатом классе всегда пахнет одинаково — смесью дешевого кофе из автоматов, пыльными школьными коридорами и давящим, липким страхом перед экзаменами. Все вокруг только и говорили что о баллах, репетиторах и поступлении. Но мне было плевать. У меня была Ксюша.

Мы встречались уже полгода, и для меня, бывшего домоседа, эти полгода стали билетом в нормальную жизнь. Раньше я часами сидел в своей комнате, уставившись в монитор, и думал, что навсегда останусь бракованным. Ксюша всё изменила. Она не боялась моих странностей, моих внезапных приступов молчания. Она просто брала меня за руку, и мир вокруг переставал казаться враждебным.

В ту субботу мы не должны были встречаться. Ксюша сказала, что пойдет к репетитору по математике, а потом планировала посидеть в кофейной зоне торгового центра с девочками из параллельного, чтобы обсудить выпускной альбом. Я честно пытался готовиться к русскому, но строчки правил плыли перед глазами. Внутри зудело глупое, детское желание сделать ей приятное. Показать, что я могу быть нор-

мальным парнем, который делает спонтанные сюрпризы, а не просто сидит дома и ждет её звонка.

Я залез в копилку, забрал деньги, которые откладывал на новый жесткий диск, и пошел в магазин. Купил букет белых пионов — Ксюша как-то обмолвилась, что они похожи на зефир. Держа цветы в руках, я чувствовал себя глупо, но эта глупость была приятной. Я шел к кофейне «Угол», представляя, как она удивится, как округлит глаза, а её подружки начнут завистливо перешептываться.

Кафе встретило меня шумом кофемашины и запахом корицы. Я завернул за декоративную перегородку из искусственной зелени, ища глазами Ксюшин светлый затылок.

Она сидела у окна. Но девчонок из параллельного рядом не было.

Напротив Ксюши сидел парень. Старше нас, курса, наверное, второго — в глупом брендовом свитшоте, с ухоженной стрижкой. И они не обсуждали выпускной. Ксюша смеялась. Тонко, заливисто — так, как смеялась только тогда, когда ей было по-настоящему хорошо. Но страшнее всего было не это. Её рука лежала на столе, и её пальцы были переплетены с его пальцами. Она лениво поглаживала большим пальцем его тыльную сторону ладони. Этот жест я знал наизусть. Она делала так, когда мы сидели на задней парте на уроках истории.

Я застыл. Воздух в секунду стал ледяным, он обжег легкие. Мой мозг словно отключился, отказываясь соединять

Ксюшу — мою Ксюшу, которая вчера шептала мне в трубку «люблю» — с этой девушкой у окна.

Парень наклонился вперед, что-то прошептал, и Ксюша подалась ему навстречу. Они поцеловались. Не мимолетно, не по-дружески. Это был долгий, привычный поцелуй. И Ксюша закрыла глаза.

Букет пионов выскользнул из моих пальцев и глухо шмякнулся на грязный ламинат. Несколько стеблей переломились. На этот звук Ксюша резко дернулась и открыла глаза.

В ту же секунду всё её лицо изменилось. Краска мгновенно сошла со щек, оставив мертвенную бледность. Она посмотрела на меня так, будто увидела призрака.

— Никита?.. — её голос прозвучал тихо, испуганно.

Парень напротив недоуменно обернулся, окинув меня оценивающим, слегка презрительным взглядом.

Я стоял и смотрел на неё. Внутри меня ничего не взорвалось. Там просто образовалась огромная, черная дыра, в которую со свистом улетали все наши прогулки, все обещания, все текстовые сообщения, которые я перечитывал перед сном. Меня не просто предали — меня вышвырнули обратно в мой персональный ад, из которого я только-только выполз.

— Никита, подожди, это не то... это мой бывший, он просто приехал, и мы... — Ксюша вскочила, задев стол, отчего чашка с недопитым латте звякнула о блюдец. Она сделала шаг ко мне, протягивая руку, но я инстинктивно отшатнулся.

Я не устроил скандал. Я не ударил этого парня. У меня

просто не было сил. Я чувствовал себя маленьким, жалким и абсолютно ничтожным. Все люди в кафе, казалось, смотрели сейчас на меня с жалостью.

Я ничего не сказал. Развернулся и быстро, почти бегом, направился к выходу. Колокольчик над дверью издевательски звякнул на прощание.

— Никита! Нам надо поговорить! — донесся сзади её крик, но я уже толкнул стеклянную дверь и вылетел на улицу, захлебываясь весенним воздухом, который теперь казался мне ядовитым.

Глава 2: Комната

Комната разрасталась. С каждым днём, когда я отказывался переступить её порог, её стены незаметно отодвигались назад, а потолок становился выше, превращая мою обычную подростковую берлогу в огромный, гулкий склеп. Сквозь плотно задёрнутые шторы мертвенно-серый свет весеннего солнца пробивался неохотно, ложась на ковёр неровными тусклыми полосами. В этих полосах лениво кружились пылинки — единственное, что двигалось в этой застывшей вселенной.

Я лежал на спине, уставившись в одну точку на потолке, где штукатурка дала едва заметную трещину. Эта трещина напоминала мне ломаную линию кардиограммы. Моей кардиограммы. Если долго не шевелиться, начинает казаться, что ты постепенно врастаешь в матрас. Кожа становится тя-

желой, словно налитая свинцом, а мысли — вязкими, как остывающий клей.

Быт одиночки лишён событий, но у него есть свои ритуалы. Своя извращённая, монотонная эстетика.

Мой день начинался тогда, когда у нормальных людей он заканчивался. Часам к четырём дня, когда за окном стихал школьный шум, я заставлял себя открыть глаза. В горле было сухо, в голове — пустыня. На тумбочке у кровати выстроилась целая армия из немых кружек. На дне каждой из них синели островки плесени, похожие на крошечные мёртвые материки в высохших океанах. Запах остывшего чая с чабрецом — того самого, который когда-то пах уютом, — теперь смешался с тяжёлым, застоявшимся духом непрветриваемого помещения и пыли. Пыль была везде. Она тонким серым слоем покрывала клавиатуру, подоконник и стопки учебников по русскому языку и химии. Эти книги лежали мёртвым грузом. Ещё пару недель назад я судорожно перелистывал их, пытаясь запомнить формулы и правила ради какого-то призрачного будущего. Теперь эти формулы казались мне чужим, забытым языком вымершей цивилизации. Какое мне дело до валентности элементов, если мой собственный мир распался на атомы?

Время потеряло свою линейность. Оно больше не текло — оно застаивалось, как вода в болотной луже. Я мог часами разглядывать собственную ладонь, удивляясь тому, насколько чужими выглядят мои пальцы. Иногда я включал компью-

тер. Бездумный, механический скроллинг ленты новостей, где чужие, абсолютно бессмысленные лица куда-то спешили, чему-то радовались и что-то обсуждали. Я запускал Dota 2, выбирал привычного героя поддержки, но уже через пять минут понимал, что не чувствую ничего. Персонаж на экране не послушно бегал по карте, ставил варды, использовал заклинания, но внутри меня не шевелился даже азарт. Это была симуляция действий. Я просто кликал мышкой, чтобы занять пальцы, пока мой мозг продолжал крутить одну и ту же зажёванную киноплёнку.

Кафе «Угол». Панорамное окно. Белые пионы, летящие на грязный пол. И её глаза.

Эта сцена возвращалась ко мне каждую ночь, как только я закрывал глаза. Психика устроила мне изощрённую пытку, прокручивая этот момент в мельчайших деталях, с разных ракурсов, с замедлением. Я разбирал по секундам траекторию её улыбки, наклон её головы, то, как её пальцы переплетались с пальцами того, другого. В первые дни я искал причины в себе. Это классический путь слабого человека — обвинить себя, чтобы вернуть иллюзию контроля. «Может, я был слишком скучным? Может, моя депрессия задушила её? Может, Двойник был прав, и я действительно бракованный кусок мусора, неспособный дать человеку тепло?» Эти мысли грызли меня изнутри, как голодные крысы. Они въедались в подкорку, выжигая остатки самоуважения.

За дверью комнаты текла другая жизнь. Там была мама.

Сначала она пыталась стучать, заходить, повышать голос, требовать, чтобы я «взял себя в руки» и шёл в школу. Экзамены ведь на носу. Но наткнувшись на мой стеклянный, устремлённый в никуда взгляд, она отступила. Теперь за дверью раздавался только их тихий, испуганный шепот. Для нее я просто «капризничал» или «сдавался перед трудностями». Она не знала, что человека, которым я был, больше нет. В этой комнате осталась только пустая оболочка.

А потом оживал телефон. Он лежал на полу возле кровати, периодически вспыхивая ярким экраном и вибрируя, заставляя паркет глухо подпрыгивать.

Ксюша. 14 пропущенных.

Ксюша: «Никита, пожалуйста, ответь».

Ксюша: «Это было недоразумение, я совершила глупость, я люблю только тебя».

Ксюша: «Не молчи, мне страшно».

Сначала эти сообщения вызывали у меня физическую боль. Словно кто-то брал ржавые щипцы и медленно поворачивал их в открытой ране. Я читал их, и у меня перехватывало дыхание. Мне хотелось разбить этот чёртов телефон о стену. Но шло время, дней становилось всё больше, и боль начала притупляться, сменяясь глухой, ледяной пустотой. Голосовые сообщения, в которых она плакала и умоляла о прощении, казались мне звуками из другой галактики. Я слушал её дрожащий голос и не чувствовал ничего, кроме безглизости и глубокого, бездонного разочарования. Весь её образ

— образ чистой, понимающей девочки, которая спасла меня из тьмы — рассыпался. Оказалось, что её любовь была такой же дешёвой и фальшивой, как пластмассовые цветы.

В один из дней я просто выключил телефон. Экран погас, и в комнате воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

Именно в этой тишине и начались странности. Когда ты неделями сидишь в темноте и не разговариваешь ни с кем, твоё собственное сознание начинает искать собеседника. Мой внутренний монолог, который раньше был просто потоком грустных мыслей, стал расслаиваться.

Иногда, засыпая на рассвете под удушливый стук собственного сердца, я улавливал на грани слуха странное эхо. Это не был чужой голос. Это был мой собственный голос, но избавленный от страха, избавленный от боли. Он не плакал. Он не жалел себя. Он просто... наблюдал. Наблюдал за тем, как я медленно гнию в этой кровати среди невымытых кружек, и тихий, едва заметный шёпот проскальзывал в темноте:

«Посмотри на себя. Какое жалкое зрелище. Ты отдаёшь свою жизнь за то, чтобы пострадать из-за девчонки, которая уже забыла, как тебя зовут. Неужели тебе самому не смешно?»

Я открывал глаза, вглядываясь в серые сумерки комнаты, но вокруг была лишь тишина. Моя психика, истощённая многонедельной депрессией, стёртая в порошок постоянным самобичеванием, медленно доходила до точки кипения. Защитные барьеры разума истончились до предела. Внутри ме-

ня, под толщей этой выжженной пустыни и апатии, зрело что-то новое. Радикальное. Горькое.

Сознание понимало: если оставить всё как есть, этот парень в комнате просто не выживет. Он уничтожит себя собственными мыслями. И чтобы спасти человека, разум готовился запустить последний, самый коварный и разрушительный механизм защиты.

Трещина на потолке казалась всё шире. Стены сжимались. До первого государственного экзамена оставалось три дня.

Глава 3: Рождение Шутника

Будильник не звенел. В нём не было смысла — я и так не спал. Солнце в утро первого экзамена по химии не просто встало, оно бесцеремонно ворвалось в комнату сквозь щель в шторах, резанув по глазам ядовито-жёлтым лучом. На календаре было второе июня. Точка невозврата.

Мать постучала в дверь — тихо, робко, словно боялась, что от громкого звука я окончательно рассыплюсь на части.

— Никита... — её голос за дверью дрожал от скопившейся за эти недели усталости. — Пора. Надо идти. Пожалуйста, сынок. Ради меня. Просто сходи туда.

Я не ответил, но медленно, преодолевая дикое сопротивление собственного тела, опустил ноги на холодный паркет. Каждый шаг до ванной казался пыткой. В зеркале на меня смотрело чужое лицо: усталое, с тёмными кругами под мертво-пустыми глазами. Кожа казалась серой, как штукатур-

ка на потолке моей комнаты. Я механически натянул школьные брюки и выстиранную матерью белую рубашку. Она сидела на мне как мешок, подчёркивая, насколько я исхудал за этот месяц ментального гниения.

Когда я вышел в прихожую, мать стояла у двери, судорожно сжимая в руках пакет с гелевыми ручками и паспортом. Она посмотрела на меня, и в её глазах промелькнула такая смесь жалости и глубинного страха, что мне захотелось развернуться и уйти обратно в темноту. Но я просто взял пакет, молча повернул ключ в замке и шагнул за порог. Я постоянно думал лишь об одном. Я даже не знаю моя ли этой вина.

Улица встретила меня оглушительным, невыносимым шумом. Майская свежесть уже сменилась душным предлетьем, пахло раскалённым асфальтом и тополиным пухом. Люди вокруг — обычные прохожие, спешащие на работу — казались мне частью природы. Мой мозг, отвыкший от открытого пространства, панически сжимался. Сердце колотилось в горле, отдавая глухими ударами в виски. Я шёл к школе на автопилоте, чувствуя себя смертником, идущим на расстрел.

Школьный двор шумел. Одиннадцатиклассники со всего района сбивались в кучки, сверяли шпаргалки, судорожно повторяли валентности и формулы органических соединений. Смех, выкрики, нервное хихиканье — всё это сливалось в один сплошной, давящий гул.

Я надеялся проскользнуть незамеченным, раствориться в толпе, но стоило мне пересечь линию школьных ворот, как

вокруг меня образовался вакуум. Мои одноклассники, заметив меня, мгновенно затихали. Они перешёптывались, бросая на меня те самые жалостливые, липкие взгляды, которых я боялся больше всего на свете. Слухи в одиннадцатом классе распространяются со скоростью лесного пожара. Все они знали, что я заперся дома. Все они догадывались, почему. Я видел в их глазах это уродливое, приторное сочувствие, которое унижало меня сильнее любого оскорбления.

— Никита...

Этот голос заставил меня замереть на месте. Земля под ногами словно качнулась.

Ксюша стояла в трёх шагах от меня. На ней была такая же парадная школьная форма. Её волосы были аккуратно уложены, но лицо выглядело заплаканным и бледным. Она сделала шаг навстречу, протягивая ко мне руки.

— Никита, слава Богу, ты пришёл... Пожалуйста, выслушай меня. Я места себе не находила, я так виновата перед тобой... — её голос сорвался, в глазах заблестели слёзы. Она говорила это громко, не обращая внимания на то, что половина параллели уже открыто пялилась на нас, вытягивая шеи.

Она хотела устроить сцену. Красивую, драматичную сцену раскаяния, где она плачет, а я — великодушный или грубо несчастный — страдаю на глазах у всей школы. Моя удушающая боль, которая верой и правдой жрала меня в комнате, сейчас достигла своего абсолютного пика. Она сда-

вила мне горло ледяными пальцами. Страх, унижение, публичный позор, жалость толпы — всё это навалилось на меня многотонным прессом. Я почувствовал, что сейчас упаду. Моя психика, истощённая до предела, трещала по швам. Ещё секунда — и я либо разрыдаюсь как ребёнок прямо здесь, перед всеми, либо просто сойду с ума от невыносимого стресса.

«Всё, парень? Спектакль окончен? Ты готов сдохнуть ради этой дешёвой драмы?» — вдруг отчётливо, громко прозвучало в моей голове.

Это не было эхом. Это был тектонический сдвиг внутри моего разума. Чтобы спастись от окончательного разрушения, мозг буквально отсёк раненого, задыхающегося Никиту, задвинув его в самый тёмный, глухой угол подкорки. А на его место, проломив остатки защитных барьеров, с диким хохотом вырвалось то, что зрело во мне всю эту долгую, мрачную весну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.